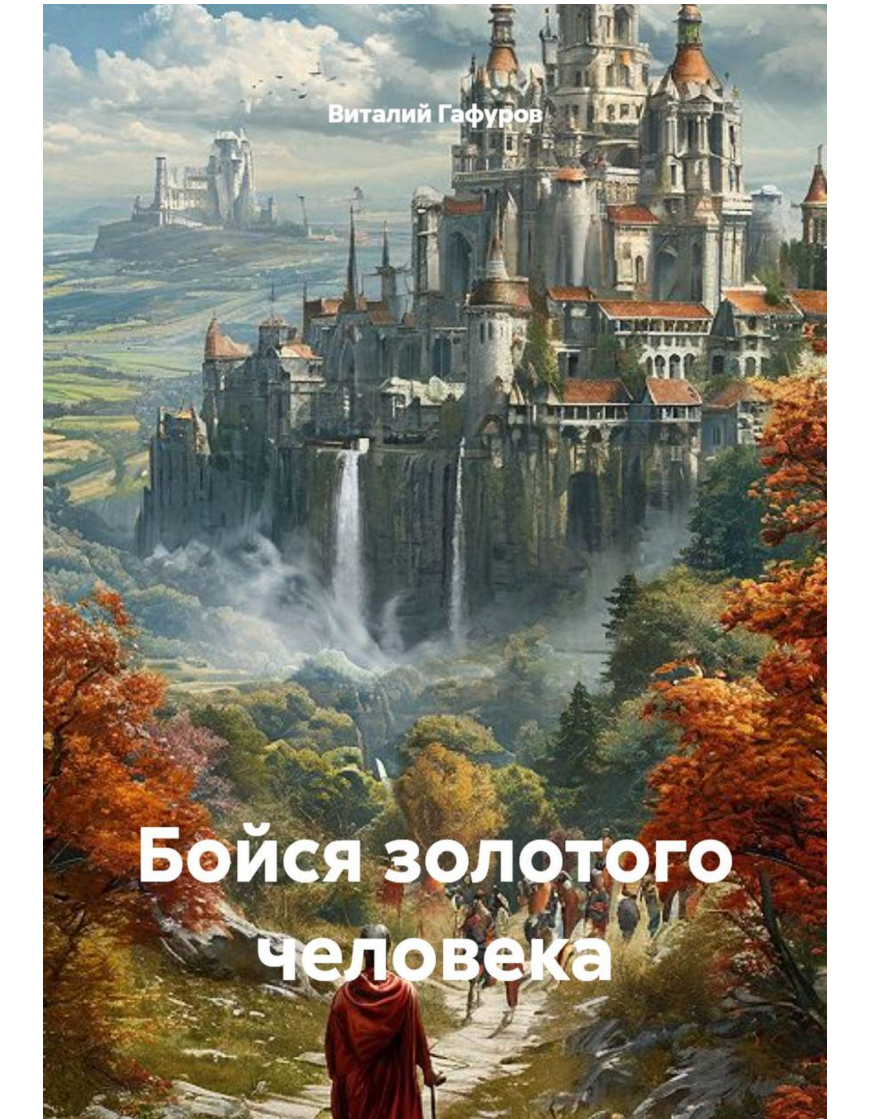

Виталий Гафуров

Бойся золотого человека

Виталий Гафуров

Бойся золотого человека

<https://litres.ru/74239708>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть была вдохновлена одноименной публикацией, на Дзене (авторство: Анджеей Ларнавский). Продолжение, написанное мною было прочитано автором и благославлено на публикацию. В повести показывается гипотетическое развитие ответвления текущей реальности, произошедшее еще в дошумерскую эпоху и по воле Четырех Слепых описанное в сием творении вместе с судьбами героев, их триумфами и трагедиями, а так-же философско-нравственной эволюцией, приправленной битвами, фанатизмом и прочими великолепностями. Всем добра и приятного чтения!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виталий Гафуров

Бойся золотого человека

Глава1

В книге, которую Умврат Гесс читал еще в глубоком детстве, была такая строчка: «Бойся золотого человека». Нет, разумеется, она там была не одна, ведь не бывает книг, состоящих только из одной строчки, кроме священных таблиц в храме Четырех Слепых, но почему-то именно эта строка врезалась Гессу в память, будто ее там высекли. Будто память – это гранитная плита, на которой кто-то зубилом и молотом вытесал слова: «Бойся золотого человека».

Больше двадцати лет прошло с тех пор, как маленький Гесс с замиранием сердца читал старую книгу. Он теперь не мог даже вспомнить, о чем она. Но взрослый мужчина Умврат Гесс, назарх боевого флота великого города Анкхутамар, что раскинулся сразу на четырех берегах, в сплетении двух великих рек Квиры и Дуама, помнил эту короткую фразу.

И поэтому даже не был поражен, когда они наконец пришли.

Золотые люди с летающих островов.

Те, кого и призывала бояться старенькая детская книга.

И вот уже вторую неделю над Анкхутамаром кипели жестокие воздушные бои. Эскадры захватчиков надвигались с севера. Они плыли по небу почти беззвучно, несмотря на огромные размеры – летающие платформы из неизвестного анкхутамарцам очень легкого, но прочного металла, каждая размером с поле для игры в квинткет. Где-то внутри этих платформ были спрятаны емкости со сверхлегким газом. Небо темнело, и в сердца самых стойких норовил заползти тоскливый страх. Казалось, что остановить эту армаду невозможно.

Потом была первая, далеко не самая яростная атака. Армаду воздушных гигантов встретили на подступах к Анкхутамару, и маленький городишко Транк, спутник большого соседа, спустя три часа боя лежал в развалинах, погребенный под обломками дирижаблей Анкхутамара и одной из летающих платформ чужаков. По руинам Транка весело плясал огонь.

Умврат Гесс был в той, первой, самоубийственной атаке. Его истребительная эскадрилья шла во второй волне.

И он практически ничего не помнил из этого боя – первого в своей жизни настоящего, не учебного, смертного боя.

Как потом сказали Гессу – это нормально. Никто толком ничего не запомнил. Только – как колоссальными факелами вспыхивали в небе водородные «повелители неба» – боевые крейсера Анкхутамара. Казалось, что горит сам воздух, и цвет воздушного флота великого города превращается в

облака огня и света. И сквозь эти облака пылающего водорода рвутся к проклятым крепостям крошечные, юркие роторные истребители. Судорожно полосуют очередями сверкающую броню чужаков, ищут слабое место, хоть одно, до которого можно достать.

То немного, что врезалось Гессу в память: вот длинной, на пол-боекомплекта, очередью «девятка» из его звена вскрывает, как ножом, подозрительную надстройку на полубаке летающей крепости. Оттуда начинает валить черный дым, он скрывает в своих клубах «девятку», и спустя полсекунды слышится взрыв.

Вот на крепости раздвигаются бронеплиты верхней палубы, складываясь пополам и уплывая в глубину, и из недр корабля появляется нечто. Оно черное, угловатое, каких-то неправильных, нескладных очертаний, и похоже на жука-карабинера. «Жук» тяжело взмывает в воздух, вертикально! – святые слепцы! – уже в подъеме разворачивается и бросается в самую гущу истребителей. На матовой броне жука блестят вспышки. Это не солнце. Солнце греет, а не жалит пронзительными трассерами, кажется, во все стороны сразу...

Больше Гесс жука не видит. Он пронесется дальше, вторая платформа встает перед глазами, заслоняя все прицельное пространство, и палец судорожно давит на гашетку, давит так, что истребитель трясется и содрогается в воздухе, и дымные трассы бьют по золотистой броне, бьют, пока не раздастся четкий, отдающийся в руку щелчок – «закрома роди-

ны» пусты.

Умврат Гесс сваливает истребитель в пике и выходит из боя, не зная, сумел ли причинить супостату хоть мало-мальский вред. На его самолете потом найдут семь пробоин от пуль нестандартного для анкхутамарцев калибра.

Третья истребительная волна, без поддержки дирижаблей, останки которых догорали в виноградниках внизу, сумела-таки завалить одну летающую платформу. Скорее случайно, по закону военного счастья звено, уходя от обстрела бортовых зениток, нырнуло платформе под днище. И три самолета высадили остатки боезапаса в переплетения труб, увивавших основание гигантского корабля. Платформа не взорвалась. Задымилась, загорелась, начала медленно крениться на левый борт, а потом, словно потеряв остойчивость в воздухе, мгновенно провалилась вниз. Удар о землю смял ее в гармошку, как бумажный лист – это не было уже ни на что похоже... Но ничего этого Умврат Гесс не видел. Приземлившись где-то в полях – одна из пуль перебила топливный шланг – он не мог даже вылезти из кабины. Не потому, что был ранен (Гесс вообще оказался счастливчиком) - а просто потому, что его трясло.

Тряслись руки.

Не слушались ноги.

Самолет лежал на брюхе в чьих-то огородах, потому что от удара о вскопанную землю подломились шасси – а Умврат Гесс сидел в кабине и не мог даже разжать пальцы на ручке

управления. Бой кипел где-то у него за спиной, а перед глазами было солнце. Хроматическое стекло кабины немного искажало спектр, и солнце казалось красным...

Кто его извлекал из кабины, разжимал руки, разминал сведенные в судороге мышцы и чем-то отпаивал – он не помнил. В себя Умврат Гесс пришел в тряской сельской телеге (до половины закопанный в сено), на которой его, героя, везли в город-столицу.

Последствия налета северян оказались ужасны. Сгорели все до единого водородные дирижабли, и прах героев щедро удобрил виноградники Транка, так что нечего было даже хоронить. Потерь в эскадрильях роторных машин было меньше, всего-навсего каждая четвертая, но львиная доля их погибла в дуэлях с «черными жуками» - бронированными палубными истребителями северян. Анкхутамарцы сумели сбить всего трех «жуков», причем одного из них – тараном.

Даже расклепать матовую броню поверженной машины (той, что была поцелее) оказалось непростой задачей.

Когда Умврат Гесс увидел тела извлеченных из нее пилотов (всего таковых насчиталось трое), он постарался не вздрогнуть. Их кожа имела удивительно светлый оттенок, а волосы отливали рыжиной так, что в солнечных лучах казались огненно-золотыми.

Золотые люди Севера пришли с войной в солнечный город Анкхутамар, расположенный на четырех берегах двух великих рек – Дуама и Квиры...

Глава 2

Умврат Гесс сидел на груде обломков у сгоревшего ангара и смотрел, как пепел оседает на крыши нижнего города. Вокруг копошились люди — чистили орудия, волокли ящики с запасными лопастями для роторов, перекрикивались через головы. Кто-то материл интендантов, кто-то молился Четырём Слепым, кто-то просто молча курил, глядя в одну точку. Война пришла в Анкхутамар, и война эта была не похожа ни на одну из тех, что город вёл прежде.

— Гесс! — окликнули его. Он поднял голову. К нему, перешагивая через мусор и разбитые ящики, шёл сам командор флота, Имрехт Ван Дорн, чьё лицо было изрезано шрамами, а левый глаз заменял тёмный кристалл, вставленный прямо в глазницу.

— Командор.

— Пойдём, — коротко бросил Ван Дорн и, не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал в сторону штаба.

Штаб разместили в бывшем зерновом складе у причала Квиры. Внутри пахло пылью, потом и сырой бумагой. На грубо сколоченных столах лежали карты — вручную расчерченные схемы города и окрестностей, с пометками красными и синими чернилами. У дальней стены стояли офицеры флота и несколько человек в гражданском — инженеры, судя по замасленным рукам и сосредоточенным лицам.

— Северяне закрепились на плато Бур-Дуам, — начал Ван Дорн, не тратя времени на приветствия. — У них там три платформы. Ещё две — в дрейфе над Разбойничьей пустошью. Наши разведчики говорят, что они готовят вторую волну. И она будет больше.

— У нас осталось сорок три роторные машины, — сказал кто-то из штабных. — Из них боеспособны тридцать одна.

— Этого мало, — отрезал командор. А наши дирижабли... — Он замолчал и махнул рукой. Все знали, что дирижаблей больше нет.

Гесс молчал. Он смотрел на карту и вспоминал ту старую книгу. «Бойся золотого человека». Интересно, что ещё было написано на тех страницах? Может быть, там говорилось, как с ними бороться? Может быть, там было сказано, откуда они пришли? Но он не помнил, и это злило его почти так же сильно, как бессилие перед летающими крепостями.

Золотые люди сами себя так не называли. Они звали себя аэрами, или, на древнем наречии, «зрящими ввысь». Это имя они носили гордо, потому что считали себя венцом эволюции — не только своего континента, но и всей планеты. В их лабораториях, уходящих глубоко в мёрзлую землю, рождались технологии, которые для жителей Анкхутамара казались чем-то нереальным. Лёгкие сплавы, переплетённые с живыми кристаллами. Антигравитационные ядра, питаемые энергией самого ядра планеты. Бактерии, пожирающие радиацию и выделяющие кислород в замкнутых объёмах лета-

ющих городов.

Да, они ушли в небо. Они покинули поверхность Агаттовой Земли, когда та начала умирать. И виноваты в этом были они сами. Один из экспериментов — попытка создать термоядерный реактор, компактный, но достаточно мощный чтобы питать целый город, — пошёл не по расчётам. Не было взрыва в привычном смысле. Вместо этого произошёл «выплеск гравитационного эха». Он разорвал кору континента вдоль линии тектонического разлома, и из недр хлынула магма, смешанная с радиоактивными газами. Половина Агаттовой Земли превратилась в безжизненную пустошь за одно десятилетие. Воздух стал отравленным, реки — кислыми, и миллионы людей, которые не успели переселиться на летающие платформы, погибли в мучениях. Совет Двенадцати, правительство золотых людей, принял решение: изоляция. Никаких контактов с южными материками, где, по слухам, всё ещё процветали «примитивные цивилизации». Пусть думают, что мы вымерли. Пусть забывают. Мы же будем искать способ исправить то, что натворили. Или — построить новый мир.

Шли десятилетия. Поколения сменяли друг друга. Аэры жили в своих летающих крепостях, занимались наукой, совершенствовали биотехнологии, продлевали жизнь, стирали болезни. Они стали почти бессмертными. Их кожа побледнела от вечной тени пепельных облаков, а волосы выцвели до металлического отлива — это было следствием стойкой

мутации, вызванной всё теми же газами, которые когда-то отравили землю. Но они предпочитали считать это символом превосходства над теми, кто остался внизу, в грязи и невежестве.

А потом их радары засекли активность на юге. Сначала — тепловые следы паровых двигателей и водородных дирижаблей. Затем — радиосигналы. Южане не сидели на месте. Они развивались. Быстро. Слишком быстро. У них уже были самолеты, пушки, и, судя по перехваченным переговорам, они начали эксперименты с летательными аппаратами, способными подниматься в стратосферу и приближающимся к скорости звука. Совет Двенадцати забеспокоился. Если южане дойдут до атомного оружия или, хуже того, до гравитационных генераторов — они повторят ошибку золотых людей. Они уничтожат планету окончательно. А значит, аэры не имеют права сидеть сложа руки.

— Мы должны остановить их прогресс, — сказал на заседании Совета старейшина Мельхиор, чьи волосы были белыми как снег, а глаза — бледно-голубыми, почти прозрачными. — Они не готовы к той силе, которую сами же высвобождают. Мы должны взять их под контроль. А если не получится — стереть их цивилизацию, пока они не стёрли всё вокруг.

Вторжения хотели не все. Были те, кто предлагал начать переговоры. Передать знания. Помочь южанам перейти на новый уровень развития мирно. Но таких оказалось мень-

шинство. Совет проголосовал — одиннадцатью голосами против одного — за военную интервенцию.

И вот эскадра двинулась на юг.

Командующий эскадрой, архистратиг Элиан, сидел в своей рубке высоко над облаками и смотрел на голографическую карту фронта. Анкхутамар сопротивлялся. С отчаянным, почти красивым упорством. Южане не понимали, что их роторные машины — не более чем комары для тяжёлых платформ. Но комары эти кусались. Одна платформа уже потеряна. Восемьдесят семь человек погибли. Три «жука» сбиты. Элиан поморщился. С одной стороны — он уважал храбрость противника. С другой — презирал их слепоту.

— Они не знают, с чем столкнулись, — пробормотал он, глядя на дым, поднимающийся над южным континентом. — Они считают нас захватчиками. А мы — врачеватели. Мы пришли, чтобы спасти этот мир от них самих.

Он поднял руку и отдал приказ:

— Вторую и третью платформу — на боевой курс. Приготовить «молоты». Отключить передатчики на частотах гражданского спектра. Больше никаких уведомлений. Они не послушали тишину — услышат гром.

Внизу, в Анкхутамаре, люди плакали над руинами Транка. Здесь, наверху, аэры готовились залить города огнём — во имя науки, во имя прогресса, во имя собственного страха перед тем, что у них когда-то не получилось.

«Бойся золотого человека», — было написано в книге. И,

пожалуй, тот, кто это написал, знал, о чём говорил.

Глава 3

Генеральное столкновение началось на рассвете четвёртого дня после падения Транка. Северяне спустили свои платформы ниже — так низко, что их можно было разглядеть невооружённым глазом. Золотистая броня, холодный блеск, хищные силуэты. Они шли тремя волнами, и каждая волна несла с собой «жуков» — чёрных, угловатых, беспощадных. Анкхутамар бросил в бой всё, что у него оставалось: тридцать одну роторную машину, десяток мобильных зенитных батарей на грузовиках и почти тысячу добровольцев с ружьями, размещённых на крышах верхнего города.

Но этого было мало. Умврат Гесс знал это, когда садился в кабину. Знакомый запах масла и металла, тугая обшивка парашюта на спине, прохлада хроматического стекла — всё это было привычным, почти родным. И всё же он чувствовал, что в этот раз возврата может не быть.

— Взлетаем, — сказал он в переговорное устройство, и голос его прозвучал спокойнее, чем он ожидал.

Звено из трёх машин — «девятка», «тройка», «двойка» — оторвалось от бетонной полосы и устремилось вверх, навстречу армаде. Ветер свистел в расчалках. Солнце слепило, но только до тех пор, пока не скрылось за днищами платформ. И тогда наступила тень. Холодная, густая тень, в которой горели только вспышки зенитных очередей.

Бой длился три часа. За это время Гесс расстрелял четыре полных боекомплекта, — его механики с ума сходили, подавая ящики на взлётную полосу под обстрелом. Его машина получила ещё три пробоины, одна из них — в маслобак, двигатель начал чихать, терять обороты. Внезапный удар вырвал управление из рук. Что-то огромное и чёрное пронеслось прямо над его фонарём, истребитель клюнул носом, завалился на крыло, и мир перевернулся. Его выбросило из кабины, парашют раскрылся сам — сработал аварийный датчик высоты. Гесс висел над руинами, глядя, как его истребитель врежется в стену полуразрушенного собора. Внизу бегали фигурки — люди. Но чьи? Он приземлился жёстко, ударился бедром о черепицу и скатился с крыши в какой-то внутренний двор. Едва успел отстегнуть парашют, как рядом лязгнул металл.

Из тени вышли двое. Они были в блестящих серебристо-белых комбинезонах, с короткими широкими автоматами в руках. Их лица были закрыты шлемами с тёмными визорами. Один из них поднял оружие и что-то сказал на горланном языке — приказ явно означал «не двигаться». Гесс поднял руки. Ему было горько, обидно, страшно — но он знал, что живой пилот стоит больше, чем мёртвый герой.

Его, конвоируя, повели к летающей платформе, которая медленно опускалась прямо на площадь. Пыль и дым разлетались от воздушных потоков. Гесса заставили подняться по сходням, и он ступил на палубу золотых людей. Пол был ме-

таллический, гладкий, почти невесомый. Вокруг сновали аэры — бледные, с белыми или рыжими волосами, безэмоциональные, как автоматы. Но самое поразительное ждало его внутри. Каюты, куда его привели, освещались не свечами и даже не каким-либо подобием электрических ламп — а ровным, мягким светом, исходявшим из самих стен. В углу стоял металлический стол, на котором лежал поднос с едой: какие-то разноцветные пластинки, тягучая паста, прозрачная вода в стеклянном сосуде. Гесс не притронулся к еде, хотя был голоден. Он ждал допроса. Но допрос не состоялся. Вместо этого через два часа дверь открылась, и внутрь втолкнули ещё одного пленного. Гесс поднял голову и замер — это был командор Ван Дорн. Старый шрамоголовый вояка, с тем самым чёрным кристаллом вместо глаза, стоял перед ним в разорванном кителе, с окровавленной повязкой на руке, но с тем же стальным взглядом уцелевшего глаза.

— Гесс? — Ван Дорн усмехнулся, хотя усмешка вышла кривой. — И ты здесь? А я уж думал, хоть ты отстрелялся.

— Командор... как вы?

— Жив, как видишь. Завалили-таки еще одну платформу — я сам видел, как она пошла вниз. Но нас перемололи. У них есть какое-то оружие, выбивающее сознание... я не понял, «молот» или ещё что... — Ван Дорн сел на пол, прильнув к стене, и закрыл глаз. — Теперь будем сидеть и ждать, что они с нами сделают.

— Может, переговоры? — осторожно спросил Гесс.

— С кем? Они даже говорить с нами не хотят. Слышал, как они лопочут между собой? Ни одного знакомого слова. Только потом один из них, вроде офицер, подошёл ко мне и сказал на чистом анкхутамарском — с акцентом, но чисто: «Вы будете ждать. Совет примет решение».

— Они знают наш язык, — прошептал Гесс. — Значит, следили за нами давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.